

Конституционная реформа 1905–1906 гг. в восприятии элиты российской общественности¹

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и последовавшее за ним издание в новой редакции Основных государственных законов, утвержденных императором 23 апреля 1906 г. и вошедших в состав Свода основных государственных законов, внесли существенные изменения в государственный строй Российской империи. Для современников, а позднее исследователей данных актов было очевидно, что они носили конституционный характер и означали рождение «нового строя»².

Вопрос о юридической дефиниции формы правления российского государства, установленной в 1906 г., до сих пор остается открытым. В работах последних лет она именуется думской монархией³, конституционной монархией⁴, либо ее разновидностью — дуалистической монархией⁵. При этом исследователи характеризуют установившуюся в результате реформы 1905–1906 гг. политическую систему как систему монархического конституционализма с присущими ей внутренними противоречиями. Первое очевидное противоречие в рамках новой политической системы — противоречие между исполнительной и законодательной ветвями власти, находившимися в

¹ В статье использованы результаты работы автора в рамках проекта «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ-ВШЭ» в 2013 году, грант № 13-05-0010.

² Кропоткин Г. М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после Манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 24–42; Медушевский А. Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30–31. Во всеподданнейшем докладе от 17 октября 1905 г. один из главных идеологов «нового строя» С. Ю. Витте аттестовал его как строй правовой, основанный на гражданской свободе (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. – СПб., 2003. – С. 210).

³ Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005; Малышева О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. – М., 2001.

⁴ Медушевский А. Н. Указ. соч. – С. 30–46.

⁵ Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учеб. пособие. – М., 2000. – С. 341.

двойственном положении и неустойчивом равновесии. Представительный орган власти противостоял переставшей быть неограниченной, но сохранившей большую часть своих прерогатив в законотворческой деятельности самодержавной власти¹. Второе очевидное противоречие — это противоречие внутри исполнительной власти, между царем, которому по-прежнему принадлежало исключительное право на назначение министров, и возникшим согласно указу от 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств» объединенным правительством — Советом министров. Призванный консолидировать исполнительную власть, указ 19 октября на деле оставил ее под контролем самодержца, сохранил ответственность правительства перед царем, а не перед наделенной законодательными прерогативами Думой, созыв которой предстоял. Оценивая новый государственный строй с точки зрения взаимодействия трех важнейших элементов, на которых базировался после 1905 г. механизм государственного управления — царской власти, народного представительства и объединенного правительства, Р. Ш. Ганелин отмечает, что власть царя плохо сочеталась с функционированием Государственной Думы и Совета министров².

При всех различиях в подходах к определению установившихся в России в начале прошлого века формы правления и политического режима, специалисты склоняются к мнению, что в сущности своей то была реформа конституционная. И. А. Кравец указывает на введенные в российский политико-правовой обиход в ходе данной реформы конституционные новеллы, такие как юридическая конституция (конституция в формальном смысле), институты конституционного права (общегосударственный представительный орган, избирательные права в общенациональном масштабе) и сам термин «конституционное право», начавший применяться к характеристике обновленного государственного строя России³. Ю. Л. Шульженко отмечает создание

¹ В. М. Шевырин аттестует государственный строй как «самодержавно-конституционную монархию», для которой была характерна особая роль государства и его административных и политических институтов в реформационных процессах (Шевырин В. М. Рец. на кн.: Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. — М., 1998 // Вопросы истории. — 1999. — № 3. — С. 165, 167.

² Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 464.

³ Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М.-Новосибирск, 2001. — С. 31.

российскими государствоведами в начале XX в. теории конституционного государства. Она основывалась на трудах германских государствоведов, однако была максимально адаптирована к реалиям российской государственности и правовой системы¹. Наталья Селунская и Рольф Тоштендаль оценивают воздействие реформы 1905–1906 гг. на политическую культуру. Они полагают, что порожденные ею институциональные перемены (развитие законодательства и контролирующих функций Государственной думы, введение должности председателя Совета министров и др.) символизировали нарождение на российской почве нового типа политической культуры, а именно демократической культуры, сделавшей Россию ближе к остальной Европе².

Создание правовых актов, которыми вводилась в жизнь конституционная реформа, являлось результатом напряженной борьбы мнений в структурах власти и общества. Сказывалось отчуждение между властью и обществом, свидетельствовавшее о кризисе самодержавного строя. Очевидно, что идейное противоборство помешало многим видным представителям российской общественности подойти к оценке реформы 1905–1896 гг. более объективно.

Замысел нашей статьи состоит в том, чтобы посмотреть на конституционное реформаторство глазами российского общества. Мы планируем изучить существующие в образованном обществе представления о реформаторских новеллах в правовой сфере, связанных с проводимой конституционной реформой, а также охарактеризовать психологические настроения, связанные с разработкой нового законодательства — чувства, переживания общественных и политических деятелей. Идея статьи обусловила круг использованных источников. Ценным источником являются документы личного происхождения (дневники, мемуары, переписка), а также материалы периодической печати, влияние которой на правовую политику правительства с появлением на рубеже XIX–XX вв. большого числа новых и по большей части оппозиционно настроенных печатных изданий существенно возросло.

¹ Шульженко Ю. Л. Дореволюционные российские ученые о конституционном государстве // Конституционно-правовые идеи в монархической России / отв. ред. Ю. Л. Шульженко. – М., 2007. – С. 3–23.

² Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. – М., 2005. – С. 322–323.

Анализируя суждения общественных деятелей по поводу отдельных правительственных мер, составлявших контекст конституционной реформы 1905–1906 гг., мы будем говорить о таком важном факторе законотворческого процесса, как правосознание. Под правосознанием подразумеваются, как известно, знания о праве, восприятия и оценки права, которые существуют в обществе и (или) в отдельных его стратах. Правосознание оказывает существенное влияние на правотворческий процесс и в юридической литературе об этом сказано достаточно. Так, по справедливому мнению автора монографии о философии правотворчества И. П. Малиновой, «... ничто новое в праве не может войти в жизнь, обрести подлинное социальное бытие, не укоренившись в правосознании...»¹. Н. В. Варламова указывает на регулятивное свойство правосознания, его способность в той мере, в какой оно определяет правовую природу вещей, становиться одной из форм существования права, его «объективации» и «внешнего бытия»². О роли правосознания как источника права пишет и В. Д. Зорькин, связывая с трансформацией правосознания элиты, профессиональных сообществ, всего общества в целом в направлении преодоления правового нигилизма реализацию принципа верховенства права как принципа социальной жизни³.

В настоящей статье речь будет идти о правовом сознании элиты российского общества, включающей в себя отдельных представителей правящей бюрократии, политической оппозиции, известных ученых-юристов. Политических и общественных деятелей, о правосознании которых будет идти речь, объединяло несколько черт. Подавляющее их большинство имело юридическое образование, было настроено на реализацию конституционной реформы и высказывало готовность участвовать в правотворческом процессе, нацеленном на создание «нового строя». Правосознание образованной, юридически грамотной элиты общества включало в себя как критические оценки действующего права, так и выражение пожеланий к правовой сфере, опреде-

¹ Малинова И. П. Философия правотворчества. – Екатеринбург, 1996. – С. 76.

² Варламова Н. В. Правосознание // Юридическая энциклопедия / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. – М., 2001. – С. 819.

³ Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. – М., 2008. – С. 39–40.

явивших, какие действия публичной власти следует считать правомерными, а какие — нет.

Поскольку речь пойдет о восприятии конституционных идей и институтов, мы будем говорить об особом виде правосознания, получившем в современной литературе по конституционному праву название «конституционное правосознание». Оно подразумевает совокупность представлений людей о Конституции и отдельных ее элементах (представительном правлении, избирательном законодательстве и др.), воззрений на роль конституционных институтов в правовом регулировании. Содержание воззрений элиты российского общества на проводимую правительством правовую реформу, выражавшееся в правосознании, является показателем его культурно-правовой зрелости, а также степени его интеллектуально-духовной подготовленности к практическому воплощению своих взглядов в форме становящихся государственных и правовых институтов.

Опираясь на монографическое исследование правовой культуры российской профессуры начала XX века, осуществленное Дэвидом Вортенвейлером, следует отметить, что идеи и ценности конституционного правосознания были для нее характерными. Научные и публицистические работы значительной части российской профессуры, ее публичные выступления были пропитаны идеями правового и конституционного государства, представительного правления, значимости прав личности, критикой идеологии сословного общества и обоснованием ценности общества гражданского¹.

Американский историк Ричард Уортман, характеризуя влияние судебной реформы 1864 г. на институционализацию юридической профессии в России, указывает на развитие правосознания данного профессионального слоя. Уортман отмечает высказываемые представителями «юридического цеха», особенно адвокатурой, идеи независимости судебной власти, верховенства права, нетождественности права и закона и т. п.² Исследователи правовой культуры российской адвокатуры Уильям Померанц и Джейн Бёрбенк приходят к схожим с Уортманом выводам. Они указывают на

¹ Wartenweiler D. *Civil Society and Academic Debate in Russia 1905–1914*. – New York, 1999. – P. 4.

² Wortman R. *Russian Monarchy and the Rule of Law // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – No. 6, 1 (2005). – P. 159–160.

складывание у адвокатуры в период 1864–1917 гг. передовых правовой культуры и профессионального этоса, на формирование в ее среде многих выдающихся поборников права и правового государства¹.

Осуществление в России конституционной реформы пришлось на время Первой русской революции. Революция и предшествующий ей общественным подъем были действенным средством политического воспитания русского общества в духе конституционных идей. Революция 1905–1907 гг. как никогда ранее внятно артикулировала стоявшую перед властью задачу осуществления конституционной реформы, нацеленной на модернизацию правовой и политической системы.

Преднамерением к либерализации внутривластного курса, от которого, по существу, и шел отсчет начала конституционной реформы, явилось для российской общественной элиты событие, случившееся 15 июля 1904 г., а именно убийство эсером-террористом Г. П. Сазоновым министра внутренних дел В. К. Плеве. Трагическая гибель этого политического деятеля стала для представителей власти и оппозиции свидетельством поражения репрессивно-полицейского внутривластного курса, символом и проводником которого он являлся.

Как вспоминал либеральный политический деятель и практикующий адвокат В. А. Маклаков, в правильности реакционной политики Плеве, нацеленной на борьбу со всяким проявлением общественной инициативы, будь-то коллективное действие или даже коллективное изъяснение мысли, сомневались многие лица из ближайшего окружения царя². В необходимости выработки нового стиля управления страной, предполагавшего уважение к обществу и использование его здорового потенциала, Николая II убеждали его мать — императрица Мария Федоровна, а также министры С. Ю. Витте, А. С. Ермолов и др. По свидетельству редактора-издателя популярной петербургской газеты «Новое время» А. С. Суворина, об «отчаянном» по-

¹ Pomeranz W. 'Profession or Estate'? The Case of the Russian Pre-Revolutionary "Advokatura" // The Slavonic and East European Review. – No. 77, 2 (1999). – P.268; Burbank J. "Discipline and Punishment in the Moscow Bar Association" // Russian Review. – No. 54 (1995). – P. 53–54.

² Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника. – Париж, 1928. – Ч. 2. – С. 320.

ложении России и невозможности для власти и в дальнейшем «управлять без общества» на второй или третий день после убийства В. К. Плеве царю говорил министр юстиции Н. В. Муравьев¹. Признаком логического конца «отжившего самодержавия», «упорно отрезавшего стране все пути к легальному и постепенному политическому развитию и, наконец, ставшего лицом к лицу с ужасающей действительностью неизбежных, одно за другим следующих политических убийств», призывал считать гибель В. К. Плеве лидер либеральной оппозиции П. Б. Струве².

Близкая к Струве по своим воззрениям А. В. Тыркова-Вильямс, вскоре видный деятель ЦК кадетской партии, вспоминала, что известие об убийстве Плеве побудило ее испытать сначала растерянность, а затем «... чувство радости. Убит. Нет его, чиновника-деспота, топтавшего и давившего все живое и желающее жить. Быть может это радость рабов, которых какая-то внешняя сила избавила [от] жестокого хозяина. Мы не умели и не могли избавиться сами. Пришел смельчак-герой и снял с несчастной задавленной страны гнет. А мы безопасно рукоплещем. Тяжело. Но, м[ожет] б[ыть], иначе нельзя»³.

Н. И. Астров, выпускник юридического факультета Московского университета, секретарь Московской городской думы, один из основателей и активных деятелей кадетской партии, записал в изданных в Париже в 1940 г. «Воспоминаниях», что убийство министра внутренних дел Плеве было воспринято образованным обществом спокойно, как давно ожидаемое. «Недовольство росло и объединяло людей самых разных свойств и привычек, — свидетельствовал очевидец. — Потребность какого-то сдвига, толчка — было смутным сознанием всех. В этом состоянии известие о том, что террорист Сазонов бросил бомбу в карету Плеве, что Плеве убит, не вызвало ни возмущения, ни ужаса, ни даже особого удивления. «Слышали? Плеве убит!» — говорили люди при встрече друг с другом. «Этого нужно было ожидать!»⁴.

¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. — М., 2000. — С. 466.

² Струве П. Б. Конец фон Плеве // Освобождение. — 1904. — № 52. — С. 33.

³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н. И. Канишева. — М., 2012. — С. 66.

⁴ Астров Н. И. Воспоминания. — Париж, 1940. — С. 284.

В то же время «с живейшим сочувствием», как свидетельствует мемуарист, было встречено в Московской думе, как и в московском обществе в целом назначение министром внутренних дел 25 августа 1904 г. князя П. Д. Святополка-Мирского. Позитивно был воспринят и провозглашенный Мирским курс на сотрудничество власти с обществом, в частности, с органами местного управления. Из уст в уста, как пишет Астров, передавали слова «о весне, о том, что «повеяло весной»¹.

Образованное общество ожидало от Святополка-Мирского установления конституционного строя, именовало время его нахождения во главе ключевого внутривластного министерства «эрой доверия», доверия к земским и городским учреждениям, а также ко всему населению вообще. «С легкой руки кн. Святополка-Мирского «доверие» сделалось в настоящее время модным словом... О доверии пишут в газетах, о нем говорят на земских собраниях; городские думы «кланяются и благодарят», «в этом робком шепоте отчетливо слышится одно слово: «Конституция», — комментировал общественное настроение печатный орган либералов «Освобождение»².

«Всеобщее романтическое стремление к политической свободе, к конституции понималось по-разному, но обаяние самого слова — Конституция — захватывало всех», — так трактовала правовые настроения российской интеллигенции упоминавшаяся уже А. В. Тыркова-Вильямс³. «...Святополк произносит слова о доверии, — записала Тыркова в своем дневнике 8 января 1905 г., — И все таившееся пробуждается. Сначала робко, потом все громче и громче высказывается печать...»⁴.

Существенное влияние на формирование нового политического климата в стране оказал проходивший в Петербурге 6–9 ноября 1904 г. земский съезд. Участники съезда встали на путь публичного заявления конституционных требований, высказались за предоставление гражданам России демократических свобод — неприкосновенности личности и жилища, совести и вероисповедания, слова и печати, со-

¹ Астров Н. И. Воспоминания. — Париж, 1940. — С. 284.

² Кое-что о доверии // Освобождение. — 1904. — № 61. — С. 189; Заговорили... // Освобождение. — 1904. — № 57. — С. 122.

³ Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. — М., 1998. — С. 239.

⁴ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма... — С. 68.

браний и союзов, введения полного гражданского и политического равноправия, созыва народного представительства, наделенного законодательными правами¹.

Съезд положил начало широкому обсуждению вопросов конституционного устройства в общественных кругах. Иностранная печать писала о съезде: «С единодушием, поразительным для представителей дворянства и крупной земельной собственности, члены съезда наметили программу, в которой фигурируют все необходимые права: свобода печати, собраний, союзов, требование национальных прав, одним словом конституции, что бы теперь ни сделали царь и князь Святополк-Мирский с этими реформами или с их мужественными инициаторами, один колоссальный шаг сделан: великая русская нация в ожидании своей «Декларации прав» и своего «Bill of Rights» имеет уже свою «Петицию о правах»².

Важно отметить, что конституционная идея пронизала тогда все слои общества. Конституционная тема широко эксплуатировалась в периодике. Газеты и толстые журналы накануне Первой русской революции размещали большое число публикаций о конституционном государстве, необходимости реформирования «приказного и бюрократического строя» (читай, ограничения самодержавия), правах и свободах личности. О необходимости обновления государственного строя в демократическом духе писали в то время даже отнюдь не либерально настроенное «Новое время» и откровенно правый «Киевлянин»³. Сторонником смягчения самодержавия и приближения его к обществу выступал даже консервативно настроенный «Гражданин» В. П. Мещерского.

Общественными деятелями выносились смелые политические резолюции, суть которых состояла в том, что без конституционных преобразований дальнейшая деятельность в тех или иных сферах —

¹ Положения по вопросу об общих условиях, препятствующих правильному течению и развитию нашей общественной жизни, постановленные частным совещанием земских деятелей, назначенным на 6 и 7 ноября 1904 г. в Петербурге // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102.00. 1904. Д. 1250. Т. 2. Л. 35–36; Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 2007. – С. 279–280.

² Перепечатка из французской газеты «Le Temps» в журнале «Освобождение» (Из иностранной печати о русских делах) // Освобождение. – 1904. – № 61. – С. 194.

³ Новое время. 1904. 24 сентября; Киевлянин. 1904. 8 сентября; Наши внутренние дела // Освобождение. – 1904. – № 61. – С. 189.

народном хозяйстве, медицине, образовании и т. п. — невозможна. Историк и активный участник общественного движения А. А. Кизеветтер характеризовал в своих воспоминаниях охватившую общественность в ноябре–декабре 1904 г. «эпидемию резолюций», начавшихся словами: «Так больше жить нельзя», в центре которых стояло неизменное требование конституции. Кизеветтер не без иронии вспоминал, что остряки тогда поговаривали, что и союз акушеров вынес резолюцию о невозможности принимать у рожениц детей при отсутствии конституции¹.

Н. И. Астров призывал считать постановления Земского съезда началом политического и правового просвещения российского населения. Позитивным результатом земского съезда и следовавшей за ним кампании петиций Астров признал институционализацию конституционного права как науки и занимательного учебного курса: «Кое-кто из гласных заходил спросить, какую бы книжку, не очень большую, можно было бы прочитать по конституционному праву, чтобы быть в курсе вопроса. Среди дам, ежедневно присутствовавших в малом думском зале и принимавших пожертвования на войну, также политический интерес заметно повысился. Среди них оказались некоторые хорошо образованные и прекрасно разбиравшиеся по вопросам конституционного права... Одна очень скромная на вид молодая женщина, дочь купца Пупышева, весьма мало культурного и старозаветного, была в полном курсе вопроса»².

В числе первых на общественный порыв откликнулись юристы. Так, зимой 1905–1906 гг. при участии С. А. Муромцева, Ф. Ф. Кокошкина и Н. Н. Щепкина был составлен доклад, где в доходчивой форме давалась трактовка основ конституционного строя, рассматривались системы выборов народных представителей, выявлялись преимущества двух- и однопалатных парламентов. По словам составителей, это было пособие для усвоения элементов конституционного права. В нем были высказаны идеи двухпалатного народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве — выборов всеобщих, прямых, равных при тайной подаче голосов. Указанный доклад обсуждался на частных совещаниях гласных, был призван

¹ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914. – М., 1996. – С. 260.

² Астров Н. И. Указ. соч. – С. 285.

способствовать повышению уровня их политической и правовой культуры¹.

Идея всеобщего избирательного права была воспринята в образованном обществе по-разному. Были у нее сторонники, были противники, были и колеблющиеся. Так, Н. И. Астров указывал, что всеобщее и прямое избирательное право его смущало, однако «речи были столь убедительны, тон говоривших был столь уверенный, истинный демократизм так не мирился с какими-либо компромиссами, что сомнения и тревоги теряли свою остроту, захлопывалась какая-то дверь внутри и все становилось ясным, бесспорным и несомненным... Тут, конечно, была известная доля романтизма, — прибавлял мемуарист, однако оправданного опытом Европы...»².

Противником построения избирательной системы на формуле всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов выступал Д. Н. Шипов, умеренный либерал, видный земский деятель и лидер «Союза 17 октября». По мнению Шипова, народное представительство «по составу своему должно являться не представительством случайно сложившегося во время выборов большинства избирателей», а выражением действительного направления и силы народного духа и общественного сознания, опираясь на которые власть только и может получить необходимый ей нравственный авторитет. Шипов предлагал привлечь в состав представительного органа власти «наиболее зрелые силы народа, которые видели бы в предстоящей им деятельности не осуществление идеи народовластия, а выполнение возлагаемых на них ответственных обязанностей в устройении и развитии, в сотрудничестве с верховной властью, государственной жизни в целях обеспечения всем гражданам достойного человеческого существования»³.

Близкую с шиповской позицию в данном вопросе занял член кадетской партии, находившийся по своим воззрениям в ее «правом» сегменте, В. А. Маклаков. Маклаков — выпускник историко-филологического и юридического факультетов Московского университета, адвокат, имевший практику по уголовным делам. В московскую адвокатуру Маклаков вступил в 1897 г., являлся помощником А. Р. Ледницкого, общался с именитым Ф. Н. Плевако, вместе с Н. В. Тесленко

¹ Астров Н. И. Указ. соч. — С. 285.

² Там же. — С. 306.

³ Шипов Д. Н. Указ. соч. — С. 315.

и П. Н. Малянтовичем образовал кружок молодых московских адвокатов — политических защитников, принимал участие как защитник в самых сложных политических процессах. В своих оценках правовых реалий того времени Маклаков на первое место ставил идею права, а его публичные речи являли собой апологию законности.

Значимость позиции В. А. Маклакова заключалась в том, что в оценку существа государственно-правовых реформ он вводил новый критерий — состояние правового сознания и правовой культуры общества. Обостренное внимание Маклакова к этой проблеме возникло не из кабинетных размышлений, оно вызывалось реалиями самой российской жизни, хорошо знакомой адвокату, специалисту по уголовным делам, по роду своих занятий постоянно сталкивавшемуся с представителями самых разных ее слоев.

По мнению В. А. Маклакова, Учредительное собрание и «четырехвостка» являли собой конечный этап в демократическом развитии страны, однако этому этапу должен был соответствовать предельно высокий уровень политической и правовой культуры населения; в противном случае попытка их создания в стране не принесла бы пользы для нее. Человек некультурный, как считал Маклаков, склонен был заботиться только о своекорыстных или групповых интересах, которые он принимает за общие; способность ограничить себя ради другого сама по себе была уже проявлением культуры¹.

В своей более поздней работе, написанной уже в эмиграции, Маклаков писал: «Наука права признает соответствие государственных форм культурному уровню населения; признает «относительность» конституций и учреждений». Он утверждал, что партия, которая может сделаться завтра государственной властью и быть ответственной за существование государства, должна защищать не только «права человека», но и права «самого государства». Маклаков формулировал принцип ответственности оппозиции, устанавливавший допустимый предел оппозиционности².

В России начала прошлого века происходила глубокое реформирование основ государственного и общественного строя, и государствен-

¹ Цит. по: Детков Н. И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. — М., 2005. — С. 158.

² Маклаков В. А. Власть и общественность... Т. 2. — Париж, 1936. — С. 388. См. также: Детков Н. И. Указ. соч. — С. 157–158.

ная стабильность, по мнению Маклакова, могла быть обеспечена только путем создания такой системы привлечения к участию во власти выборных представителей, которая гарантировала бы высокий уровень государственного мышления избранных. Сложная многоступенчатая система выборов представлялась ему наиболее подходящей.

Логика либерального политика была близкой воззрениям части представителей российской бюрократии, разработчиков нового права. В частности, один из создателей российской избирательной системы С. Е. Крыжановский утверждал, что «переход от одного строя к другому есть дело и технически и психологически очень сложное, особенно болезненное для носителя Верховной Власти..., и что единственный возможный в этом деле путь есть путь компромиссов и полумер и половинчатых буферных решений»¹.

Ответом на развернувшуюся в общественных кругах кампанию в поддержку государственных реформ явились сами преобразования. Их концепция оформилась в основных чертах во второй половине 1905 — начале 1906 г. Правовые акты от 6 августа 1905 г. (Манифест «Об учреждении Государственной Думы» и ее статут — «Учреждение Государственной Думы») провозглашали созыв Государственной думы с правом законосовещательного голоса, а именно — «предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений»². В октябре 1905 г., под давлением всеобщей политической стачки, за Думой было закреплено право законодательной инициативы. Статус верхней палаты парламента с правом законодательной инициативы приобрел в феврале 1906 г. Государственный совет. Половина его членов теперь избиралась; имели свою квоту представители духовенства, земских собраний, дворянских обществ, академической и вузовской науки, торгово-промышленных кругов.

Издание Николаем II 17 октября 1905 г. Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» формально означало конец существования в России неограниченной монархии. «17 октября Манифест с конституцией появился, — писал либерал-центрист

¹ Крыжановский С. Е. Воспоминания: Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. — Берлин, б.г. — С. 48.

² Учреждение Государственной думы 6 августа 1905 г. // ПСЗ. 3-е издание (ПСЗ-З). — Т. 25. — № 26661.

В. А. Маклаков, — Освободительное движение на этом было кончено. Наступила эра «конституционной монархии» и роль политических партий»¹. Манифест провозглашал политические свободы, не существовавшие ранее (неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний, союзов), создавал правовую основу для институционализации политических партий, разграничивал законодательную и исполнительную ветви власти, предоставил народным представителям право надзора за закономерностью действий правительства.

В Манифесте 17 октября впервые в истории России был сформулирован основной принцип конституционного государства: ни один закон не может быть издан иначе, как с согласия народного представительства. Даже монархисты признали 17 октября датой провозглашения «конституции». «Как же не конституция? Конечно, Конституция. Ведь Царь торжественно заявил, что ни один закон без согласия Думы не пройдет! Не ведома, а согласия, ведь это и есть конституция!»² — записал в своем дневнике в конце декабря 1905 г. генерал А. А. Киреев, близкий к окружению императора идеолог неославянофильства.

Первой реакцией на Манифест в образованном обществе была эйфория. Н. И. Астров, находившийся в момент издания Манифеста в помещении Городской думы, вспоминал, что в канцелярии зазвонил телефон, прерывистый голос спрашивал, известно ли Думе про Высочайший манифест, объявляющий конституцию. После этого по коридору бежали люди, кто-то кричал: «Слышали? Слышали? Конституция! Конституция!» Гласные Думы обнимались: «Наконец-то дождались, Ура!» Везде ликование, радость, восторг. «Это чувство было больше, чем радость, — писал мемуарист. — Оно было другого порядка, нежели восторг. Это было сознание исчезнувшей великой опасности, висевшей все время над Московской Думой, над Москвой, над Россией. У стариков были на глазах слезы. Часто слышалось: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко!» Конституция! Цель стремлений! Новая жизнь с этой самой минуты». За этим последовало собрание в купеческом клубе, поздравления. Астров говорил: «Не ликовать надо, а закреплять, удержать. Ведь только начинается новая

¹ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. — М., 2011. — С. 306.

² А. А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / сост. К. А. Соловьев. — М., 1910. — С. 121.

жизнь. Кто ее поведет?» Ему отвечали: «Ну, вы известный пессимист! Завтра будем закреплять, а сейчас выпьем!»¹.

Несколько более сдержанную, но в целом такую же радостную реакцию на появление Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» наблюдал и профессор государственного права, умеренный либерал М. М. Ковалевский. Находясь 17 октября 1905 г. на вечеринке у Н. Ковалевского, сотрудника газеты «Страна», Ковалевский делился своими впечатлениями с собравшимися гостями, «как вдруг вбежал в комнату молодой профессор Ростовцев с печатной бумагой в руках. Это был пресловутый манифест 17-го октября, только что отпечатанный в казенной типографии. Его должны были обнародовать на следующий день. Лица просияли. Далеко не у всех, однако. И Родичев (Ф. И. Родичев — либеральный политик, кадет. — А. Т.), как Новая Гекуба, продолжал предсказывать, что реакция не приостановится, что все манифесты не более, как бумажка, с которыми в будущем считаться не станут... К Родичеву отнеслись... как к каркающей вороне»².

Начальник С.-Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов вспоминал, что в день издания Манифеста 17 октября 1905 г. он ездил с докладом к товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией Д. Ф. Трепову. При этом реакция бюрократов, которых Герасимов встретил у Трепова, была схожей с той, что наблюдали Н. И. Астров в Московской городской думе и М. М. Ковалевский в интеллигентском собрании. Как вспоминал Герасимов, Трепов вышел к нему и сказал: «Простите, что заставил вас ждать. Только что звонил Сергей Юльевич (С. Ю. Витте — председатель Совета министров. — А. Т.). Слава Богу, манифест подписан. Даны свободы. Вводится народное представительство. Начинается новая жизнь». Заведующий политической частью Департамента полиции П. И. Рачковский, находившийся в приемной у Трепова, также, по словам Герасимова, «встретил это известие восторженно, вторя Трепову: Слава Богу, слава Богу... Завтра на улицах Петербурга будут христосоваться»³.

¹ Астров Н. И. Указ. соч. — С. 326.

² Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. — М., 2005. — С. 360–361.

³ Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. — Т. 2. — М., 2004. — С. 177.

В приемной у петербургского градоначальника В. А. Дедулина, куда после посещения Трепова отправился А. В. Герасимов, его встретили с текстом манифеста в руках и словами: «Ну, слава Богу. Теперь начнется новая жизнь». Мемуарист вспоминал, что застал у Дедулина совещание полицмейстеров столицы, на котором обсуждался вопрос о том, как следует объявить Манифест народу. Высказывались разные предложения: сообщить о нем через герольдов, напечатать его золотыми буквами и прочесть во всех церквях». Герасимов свидетельствовал, что при этом никто ни словом не заикался о том, что могут быть осложнения, беспорядки¹.

Во взглядах на правовую природу Манифеста можно выделить два основных направления, к которым так или иначе примыкали все авторы книг, статей и брошюр об этом «эпохальном» для России акте. Согласно первой точке зрения, Манифест являлся не конституцией, а декларацией намерений власти; он не столько устанавливал позитивное право, сколько провозглашал правовые принципы, которые предстояло облечь в законодательные нормы. Публичная власть намечала в нем перспективу преобразований. Так, известный государствовед Н. И. Лазаревский вскоре после издания Манифеста 17 октября 1905 г. оценил его политико-правовые результаты следующим образом: «Манифест 17 октября 1905 г. не удовлетворил никого и никого не успокоил, он ничего реального не дал, только обещал., им возлагается на все органы государства обязанность действовать в новом духе, готовить и проводить реформы...»². Манифест оценивался Лазаревским как акт, предпрешивший переход к конституционной монархии; сам же переход датировался им 27 апреля 1906 г., временем открытия заседаний I Государственной Думы.

Другая часть российской общественности полагала, что Манифест 1905 г. был Конституцией. П. Б. Струве призывал считать акт 17 октября «новым основным законом империи», благодаря которому «родилась русская свобода, создан русский гражданин»³. Законом и октроированной конституцией считал Манифест правовед В. М. Гес-

¹ Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. – Т. 2. – М., 2004. – С. 177–178.

² Лазаревский Н. И. Манифест 17-го Октября и погромы // Вестник права. – 1905. – Кн. 8.

³ Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997. – С. 15.

сен¹. Актом, создававшим новую форму правления — ограниченную (конституционную) монархию, именовал Манифест профессор государственного права Л. А. Шаланд².

Процесс реформирования государственного строя получил завершение в новой редакции Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. Проект Основных государственных законов составлялся в государственной канцелярии под руководством государственного секретаря Ю. А. Иксуля фон Гильденбандта и его помощника П. А. Харитонов. По поручению С. Ю. Витте его корректировал молодой чиновник И. И. Тхоржевский, «как человек, готовившийся к кафедре государственного права и имевший в своей домашней библиотеке французские тексты всех конституций мира». От себя премьер-министр советовал: «Пусть он возьмет побольше из японской конституции, так права микадо наиболее широкие. И у нас должно быть так же»³. В предварительных совещаниях по разработке Основных законов участвовали профессора права В. М. Сергеевич и И. М. Ивановский.

Согласно новой государственно-правовой форме, установленной Сводом Основных государственных законов 23 апреля 1906 г.⁴, император сохранил всю полноту власти по управлению страной через ответственное только перед ним правительство. Он руководил внешней политикой, армией, флотом, имел право издавать законы в виде «чрезвычайных указов» в перерывах между сессиями Думы (ст. 87 Основных законов) в чрезвычайных обстоятельствах, «в видах предотвращения грозящей государственному порядку опасности». Эта мера послужила источником для формирования чрезвычайного указа в России. Однако действие чрезвычайного указа прекращалось, если соответствующий законопроект не вносился в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления ее занятий. В целом произошло некоторое ограничение власти царя в законодательной сфере; вся полнота исполнительной власти за ним сохраня-

¹ Гессен В. М. Самодержавие и Манифест 17 октября // На рубеже: Сборник статей. — СПб., 1906. — С. 205.

² Шаланд Л. А. Русское государственное право. — Юрьев, 1908. — С. 19.

³ Цит. по: Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. — М., 2005. — С. 407.

⁴ Свод Основных государственных законов (в новой редакции от 23 апреля 1906 г.) // Свод законов Российской империи. — СПб., 1906. — Т. 1.

лась. Она осуществлялась через Совет министров, министерства и губернаторов на местах. Законодательную власть император делил с Государственным советом и Государственной думой, утверждая законопроекты, принятые этими органами. Судебная власть осуществлялась от имени императора, хотя была достаточно самостоятельной.

По сравнению с предшествующим изданием, содержание Основных законов 1906 г. было дополнено новыми разделами, в которых определялись prerogatives монарха (власть императора перестала быть неограниченной и именовалась теперь «верховой»), законодательную власть он делил отныне с Государственным советом и Думой, окончательно утверждая законопроекты, принятые этими органами); регламентировались права, свободы и обязанности российских подданных; закреплялось правовое положение органов народного представительства (Государственной думы и Государственного совета).

Природа формы Российского государства после издания Основных законов 1906 г. активно обсуждалась современниками. Либералы, лидером которых выступал П. Н. Миллюков, приветствовали исчезновение из российского законодательства термина «неограниченный» в определении prerogatives монарха. Тем не менее, они отмечали, что новые законы оказались далеки от идеала полного народовластия, от мечты о полной демократизации управления. Они представляли собой отступление и от положений Манифеста 17 октября, свидетельствовавшее о победе сил старого порядка¹.

Очевидно, что правовая формула Основных законов с заключенным в них внутренним противоречием, порожденным сочетанием Государственной думы с переставшей быть неограниченной, но сохранившей большую часть своих prerogatives самодержавной властью, а в более широком смысле — наблюдавшееся в данном акте причудливое сочетание конституционных и атаквистических доконституционных норм времени неограниченного самодержавия объективно порождало сложность отнесения переходной реформирующейся формы российской государственности к какому-либо определенному типу². Это обстоятельство давало основание консервативно настро-

¹ Миллюков П. Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 3.

² На это справедливо указывает историк права А. В. Ильин (см.: Ильин А. В. Форма правления в России в 1905–1917 гг. // Историко-правовой вестник. Вып. 1: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Туманова. – Тамбов, 2005. – С. 212–214).

енным правоведам характеризовать политический строй, установившийся после 23 апреля 1906 г., как обновленный старый строй, главные основы которого: верховенство (неограниченность) Монарха и самодержавие Царской Власти остались неприкосновенными¹.

На наш взгляд, взвешенную и адекватную политическим реалиям позицию по определению формы правления российского государства после издания Основных законов 1906 г. занял В. А. Маклаков. Признавая конституционный характер Основных законов, Маклаков характеризовал установленную ими форму правления как дуалистическую монархию: народное представительство и монарх с подчиненным ему правительством составляли два «центра власти», находящихся в подвижном и неустойчивом равновесии². При этом он замечал, что Россия по-прежнему управлялась в основном методами, характерными для абсолютной монархии, а население империи не ощущало в обыденной жизни наличия конституции и парламента. Конституционные принципы зачастую слабо воздействовали на практику государственного управления, центральная исполнительная власть и местная администрация нередко действовали вне контекста новой правовой реальности, произвольно трактуя и явно игнорируя ее.

«Юридически, или в праве, русская конституция несомненно существует, потому что она вписана в Манифест 17 октября и в Основные законы. Но, с другой стороны, в правосознании фактически властвующих, правящих сил в России конституции еще не существует... Таков сложный рисунок нашей политической действительности: конституция существует в праве (законе) и отсутствует в правосознании правящих; конституция отсутствует в жизни, в том политическом воздухе, которым дышит отдельный обыватель внутри страны, и она, несомненно, присутствует в том политическом воздухе, которым, как член международной семьи, дышит все государство³», — разделял воззрения Маклакова П. Б. Струве.

Значимость позиции умеренных либералов П. Б. Струве и В. А. Маклакова заключалась, прежде всего, в том, что они оценивали существование государственно-правовых реформ не только на основании анализа нового законодательства, но и исходя из состояния правовой

¹ Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. – М., 2007. – С. 570.

² Цит. по: Детков Н. И. Указ. соч. – С. 155–157.

³ Струве П. Б. 17 октября 1909 г. ... – С. 155.

культуры современного им общества. Маклаков подчеркивал позитивное значение «Основных законов», которые, по его словам, «привели в нашей государственной жизни ту грань, которая существует между неограниченным самодержавием старого типа и конституционной монархией...», усматривал в них общий с реформами 1860–70-х гг. смысл — ограничение всемогущества государства: «Впервые в них, в нашей конституции закон был поставлен выше воли монарха, был положен предел этой воле»¹. Либеральный политик приветствовал факт установления данного «предела», однако откладывал рассмотрение вопроса о его рамках на будущее, утверждая, что «отыскание правильного отношения между назначением государства и правами человека есть первая задача «науки» о государстве»².

Подводя итог сказанному, сделаем некоторые выводы. На наш взгляд, правовое сознание либерального образованного общества в начале XX в. было достаточно зрелым. Оно характеризовалось плюрализмом мнений и оценок существующего правового бытия, укоренением ценностей верховенства права, разделения властей, конституционного правления. Общественным кругам был присущ демократический тип правосознания и правовой культуры, являвшийся неотъемлемым признаком становящегося в России конституционно строя.

Развитие правового сознания образованного общества являлось предпосылкой структурной конституционной реформы, проводимой в стране в 1905–1906 гг., одновременно обуславливаясь данной реформой. Правосознание элиты общества выступало творцом нового права, его источником. Юристы, общественные и политические деятели, о которых шла речь, предприняли действенное участие в разработке и осуществлении конституционной реформы. В ходе ее проведения они стремились найти компромисс между формальной идеей права, нацеленной на обеспечение личных прав и интересов членов общества, на достижение принципа народовластия, и существующей политической и правовой жизнью, качеством правосознания российского народа. Двойственный характер конституционных актов, а также наличие в политико-правовой жизни многочисленных

¹ Маклаков В. А. Законность в русской жизни // Вестник Европы. – 1909. – Т. 3. Кн. 5. – С. 249–250, 259.

² Цит. по: Детков Н. И. Указ. соч. – С. 156.

патавизмов, помноженные на непоследовательность правящей власти, ее периодическое возвращение на путь контрреформаторских охранительных мер, сдерживали политико-правовую модернизацию России, препятствовали развитию конституционной идеологии, порождали и множили ее диспропорции.

Постфактум деятелям эпохи конституционной реформы довелось убедиться в том, что опасность для русской «конституции» и конституционализма исходила в 1906 г. не только от «реакции» справа, со стороны правящей власти, но и от «крамолы» слева. Спустя двадцать лет после описываемых событий, в 1926 г., уже будучи эмигрантом, П. Б. Струве запишет в своем дневнике о стратегическом просчете, допущенном русской общественностью и характеризовавшем ее поведение в 1906–1917 гг., ее мягкотелость и слабость, с которой она сопротивлялась «крамоле»: «Реакция казалась и была внешне могущественной и опасной, крамола же в подлинной силе и огромной потенции таила в себе те взрывы и разрушительные удары, которые смели не только историческую власть, но и русскую общественность и подорвали русскую культуру»¹.

¹ Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935) / подгот. текста А. Н. Шаханова. – М. ; Париж, 2004. – С. 119.